

Два Иосифа

Яков АЛЕКСЕЙЧИК,
журналист

В XIX веке в Российской империи родились два Иосифа, которые заметно «поучаствовали» в судьбе этой империи, а также судьбе всей Европы и навсегда вписали свое имя в историю. Оба они имеют прямое отношение к белорусской судьбе. Это Иосиф Сталин и Иосиф (Юзеф) Пилсудский. Один был грузином, второй – поляком. Не так давно Рафал Геремек в польском журнале «Впрост» опубликовал статью, в которой говорилось, что Адам Мицкевич «свято верил в теорию о кавказском происхождении польской шляхты» и «в буквальном смысле почитал грузин за братский народ». Однако дело еще и в том, что в реальных биографиях этих политиков действительно есть многое, позволяющее говорить об их определенном сходстве не только потому, что они были тезками.

Сходство первое. Все называют Сталина грузином, и не приходилось встречать утверждений, что сам он это отрицал. Но в посвященной Сталину литературе довольно часто говорилось и о том, что по отцу он был осетином, и настоящая его фамилия не Джугашвили, а Джугаев. Попадалось объяснение и тому, из чего он исходил, выбирая псевдоним: оказывается, джуга по-осетински – сталь, отсюда – Сталин.

Юзеф Пилсудский тоже не является, как говорят в Польше, рдзэнным, то есть настоящим поляком. По отцу он происходил из рода Гинейтовичей, известного в ВКЛ с XV века, по матери – из рода Белевичей, а родился он в имении Зулавы недалеко от Вильнюса. В ноябре 1939 года эта местность была включена в состав БССР и вошла в Вилейскую область, но в январе 1940 снова передана Литве. Можно полагать, что он не только помнил о своих литвинских корнях, но ценил их, поскольку, даже будучи главным человеком в довоенной Речи Посполитой, позволял себе такие выражения: «Вы, поляки...». А еще ему приписывают утверждение, что Речь Посполитая похожа на бублик: все ценное по краям, а посередине дырка.

Сходство второе. Оба Иосифа в формальном понимании этого слова остались недоучками. Сталин не закончил духовную семинарию – исключили, поскольку не явился на выпускные экзамены. Пилсудский всего один курс занимался на медицинском факультете в Харьковском университете.

Сходство третье в том, что оба Иосифа стали профессиональными революционерами, участвовали в социалистическом движении, входили в руководство своих партий, побывали в сибирской ссылке. Сталина за революционную деятельность туда отправляли неоднократно, Пилсудский был наказан изгнанием один раз – за то, что в Вильно он якобы помогал приобрести яд одному из участников заговора против царя.

Сходство четвертое. За обоими в биографии числятся так называемые «экссы» – нападения с целью завладеть деньгами для своей революционной деятельности. Но если о сталинских «эксах», например, о налете на банк на Кавказе, широко говорится в исторической литературе, то сведения о том, что так же действовал и Пилсудский, встречаются редко. Но встречаются. Им тоже было организовано нападение на почтовый поезд в окрестностях Вильно в сентябре 1908 года. Тогда в руки нападавших попала крупная сумма – 200 тыс. царских рублей. Стоит напомнить, что за рубль в то время

ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич.

Родился в 1948 году в д. Переспа Дрогичинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета (1972) и Минскую высшую партийную школу (1979). Работу в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете «Чырвоная звязда». Был на партийной работе в Ивановском райкоме КПБ, Брестском обкоме КПБ, ЦК КПБ.

С 1988 по 2002 год – генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006–2009 годах – главный редактор издательства «Беларусь».

давали четыре доллара. Как пишут польские исследователи его жизни, например Дарья и Томаш Наленч, Пилсудский много внимания уделял боевой организации своей партии, в которой насчитывалось около двух тысяч боевиков, осуществлявших постоянные нападения на царских сановников, уездные кассы, вагоны с деньгами. Но добавляют, что сам он в «эксах» принял участие только однажды, тогда под Вильно, после того, как даже в кругу преданных ему боевиков громко зазвучали разговоры: не слишком ли шеф бережет себя. Ведь на слуху у них были рискованные поступки российских руководителей «Народной воли», а также легендарного в то самое время ирландца Коллинза, который во время опасных акций был впереди всех и больше других рисковал собственной жизнью.

Юзеф
Клеменс
Пилсудский

Сходство пятое. Оба впоследствии стали во главе государства. Оба не брезговали никакими средствами для удержания власти. Ради нее Пилсудский в мае 1926 года даже осуществил государственный переворот. Тогда на улицах Варшавы обильно лилась кровь.

Сходство шестое. Оба, не будучи военными, были удостоены высших воинских званий в своих государствах. Пилсудский — маршала Польши, Сталин — генералиссимуса.

Сходство седьмое. Оба без пиетета относились к законности. В еженедельнике «Не» (№ 22 за 2008 год) в статье «Дедушка обоих Качиньских» публицист Матеуш Згрызота писал, что Пилсудский не считал себя ответственным перед писанным правом. Его личное кредо было выше закона и Конституции и могло быть основанием для нарушения законности. Он отбрасывал всякие возможности передачи власти в государстве правовым путем, стараясь в то же время удерживать ее так, чтобы создавать видимость соблюдения права. Но на самом

Иосиф
Виссарионович
Сталин

деле право трактовалось как орудие действий, а не самоценность, ограничивающая органы власти. Д. и Т. Наленч напоминают, что Основным законом страны Пилсудский называл конститушкой и пояснял: «Я выдумал это слово, поскольку оно ближе всего к проститутке». При Сталине тоже регулярно проводились выборы, съезды, но важным для него было «не то, как проголосуют, а то, как сосчитают голоса».

Пилсудский не скрывал, что его метод политической борьбы имеет своей целью «мешать жить противникам». Отсюда аресты, поиски оружия, пытки. В 1930 году было арестовано около 50 депутатов и сенаторов польского парламента из оппозиционных парламентских клубов. Несколько тысяч политических деятелей, не обладавших депутатскими полномочиями, тоже оказались в тюрьме. Вот как после ареста обошлись с одним из руководителей Национальной рабочей партии Попелем: «В ночь с 9 на 10 октября ввели Попеля в темную комнату; один из жандармов схватил его за голову, другой за ноги, после чего повалили его на стол... и отмерили 30 ударов каким-то железным предметом... Во время экзекуции Попель потерял сознание. В конце заправлявший всем капитан заявил, что побитый должен «радоваться, что так легко отделался, а в следующий раз маршал Пилсудский распорядится пустить ему пулю в лоб».

В 1931 году Пилсудский ввел военно-полевые суды (у Сталина были так называемые «тройки» и особые совещания), и уже в том году по политическим мотивам было арестовано 16 тыс. человек, а в следующем — 48 тыс. К середине 30-х годов XX века в Картуз-Березе (ныне г. Береза в Брестской области) впервые в Центральной Европе был создан концентрационный лагерь для политических заключенных. В литературе встречаются утверждения, что «за опытом» в Картуз-Березу приезжали эсэсовцы из Германии, что посещал этот лагерь даже глава СС Гиммлер.

Сходство восьмое. Пилсудский был высокого мнения о себе, чего не скрывал от соотечественников. Те же Д. и Т. Наленч пишут, что в «брестские» дни он жаловался одному из своих ближайших сподвижников: «Есть вещи, которые вы, поляки,

не в состоянии понять!.. Сколь много мне удалось бы сделать, правь бы я другим народом». В беседе с другим своим соратником историком Артуром Сливиньским он тоже не скрывал своего недовольства: «Я не раз думал о том, что, умирая, я прокляну Польшу... Что польский народ дает великим людям и как к ним относится?! Еще неизвестно, была ли бы создана без меня Польша». Сталин в кругу близких сподвижников не раз говаривал: вас без меня раздавят, как котят.

Сходство девятое. Биограф Пилсудского Владислав Побуг-Малиновский впоследствии напишет, что смерть маршала стала «лопнувшим обручем, компания, которая до этого самоотверженно шла в упряжи, работая на государство, стала распадаться на несколько групп отличающимися методами выхода из кризиса». Разве и это не похоже на то, что происходило в СССР после смерти Сталина?..

Сходство десятое. В 129-м выпуске издававшихся в Париже на польском языке «Исторических тетрадей» за 1999 год есть подборка красноречивых высказываний французской прессы о маршале Ю. Пилсудском в ходе его визита в Париж в 1921 году. Кстати, в этой публикации говорится, что французы, принимая маршала Польши в своей столице, допустили отступление от общепринятого протокола: в один из вечеров они пригласили Пилсудского не в Гранд-Опера, куда обязательно водили всех гостей такого ранга, а в Комеди Франсез... На что хотело наемкнуть французское правительство, это его дело. Мы же перейдем к цитатам.

Le Journal des Debats: «Этот патриот, пропагандист, организатор, но не военный по профессии. Ему присущ идеализм высшего ранга, а заодно – обостренный практический смысл».

L'Opinion: «Пилсудским управляют большие личные амбиции».

Le Temps: «Маршал выглядит человеком слабого здоровья, но приходится констатировать у него большую силу характера».

Генерал Вейган: «Маршал является жестким и завистливым по отношению к своей власти...»

Объявление о розыске государственного преступника Иосифа Пилсудского. 1887 год

Анри Бидо: «Пилсудский обладает исключительными навыками в интриге и управлении людьми... Огромные амбиции являются скрытой чертой его характера, он не брезгает хитростью. Работает только по ночам и выигрывает за счет человеческой измученности, один Падеревский (премьер-министр. – Авт.) его пересиживает, поскольку тоже является ночной птичкой...»

Еще один наблюдатель, фамилия которого не названа: «На всем политическом Олимпе нет человека, более непроницаемого. Несмотря на легкость в контакте, ясный и методичный способ выражаться, никогда невозможно угадать его намерений. Он скрытый, замкнутый в себе самом, закрытый даже для своих ближайших».

Le Correspondent: «Умеет быть очаровательным, больше всего притягивает в нем людей полнейшая простота и удивительная бережливость в частной жизни... (Как тут не вспомнить о заштопанном френче Сталина как о символе его личной скромности. – Авт.) Это спартанец, живущий в скромном павильоне, Бельведере, меблированном, как монастырская приемная».

L'Illustration: «Грозный вид не позволяет назвать его обольстительным, но, о диво, в кругу ближайших он весел, улычив, незаурядно интеллигентен и безошибочно вежлив. Никогда не бывает банальным!»

Все сказанное, согласитесь, подходит обоим Иосифам.

Сходство одиннадцатое. Сталина упрекают в дружбе с Гитлером, начатой пактом «Риббентроп – Молотов» от 23 августа 1939 года. Но в такой дружбе Комендант опередил Сталина как минимум на пять лет, притом начал ее в самое трудное для фюрера время. Еще в январе 1934 года, когда Германия ушла с международной конференции по вопросу разоружения и оказалась в дипломатической изоляции, именно Пилсудский пошел на подписание с Гитлером декларации о ненападении. Этот польский шаг вызвал настоящий шок в Европе. Как написал Станислав Жерко в статье «1939 – правды и неправды» («Политика», 7 сентября 2009 г.), за границей стали открыто рассуждать, какой ценой это достигнуто. Итальянский вице-министр иностранных дел Фульвио Сувич в глаза

говорил польскому послу, будто Польша что-то дала Германии за отказ от ревизии границ. В западной прессе появились утверждения, что, помимо официального текста декларации, существует и тайный протокол, а швейцарские и французские газеты даже опубликовали его текст. Неоднозначную реакцию вызвало соглашение и в самой Польше. Генералы В. Сикорский, Ю. Галлер, экс-премьеры М. Ратай, И. Падеревский прямо называли польского министра иностранных дел Ю. Бека немецким агентом.

В исторических публикациях о польско-германском соглашении 1934 года есть указания и на то, что не последнюю роль в его подписании сыграла импульсивность Бека. Осенью 1934 года во время конференции Лиги Народов Бек встретился с Геббельсом и германским министром иностранных дел Нейратом. Затем он отправился с официальным визитом во Францию, где ему было нанесено личное оскорбление: французский министр иностранных дел Жозеф Поль-Бонкур не приехал на вокзал встречать Бека, хотя это и предусматривалось дипломатическим протоколом. В состоянии аффекта Бек с одобрения Пилсудского поручил польскому послу в Германии Л. Липскому изложить Гитлеру неофициальное предложение о подписании декларации о ненападении.

Но почему Пилсудский – изощренный политик – одобрил такой шаг? Скорее всего, он руководствовался другими соображениями, нежели обидой Бека. Комендант понимал, что дело в Европе неизбежно идет к повторению конфликта с Германией и даже уступок ей. Уж очень унижительными для немцев были условия Версальского договора, подведшие черту под войной 1914–1918 годов. Французский маршал Фердинанд Фош в 1919 году прямо назвал этот договор не миром, а перемирием на двадцать лет. Но каждый в той Европе желал уступок за счет другого. На такой точке зрения стоял и Пилсудский. В этом смысле весьма интересны воспоминания польского военного историка полковника Яна Цяловича, в межвоенное время служившего в штабе Верховного главнокомандующего Речи Посполитой. В книге «От Костюшко до Сикорского» он пишет, что маршал исходил

из существования возможности ослабить напряженность в отношениях с Германией и подтолкнуть ее к признанию границы с Польшей без территориальных уступок со стороны Польши. Комендант полагал, что они могут быть сделаны за счет Австрии. Еще в 1933 году, утверждает Я. Цялович, он говорил о готовности продать аншлюс Австрии за хорошую цену.

Поворот Пилсудского в сторону Гитлера во многом объясняется тем, как маршал оценивал самого фюрера. Он исходил из того, что Гитлер является австрийцем, а менталитет австрийцев и немцев сильно от-

Ю. Пилсудский
в Минске.
18 сентября
1919 года

личается. Пилсудский считал, что окружение Гитлера мало заражено пруссачеством, потому не стоит приписывать ему большой заинтересованности в ревизии восточных границ Германии, то есть границы с Польшей. Гитлер, полагал Комендант, долгое время будет занят внутригерманскими проблемами, и это время станет работать на Речь Посполитую. Всерьез учитывались и антисоветские настроения фюрера и его партии. Более того, Пилсудский считал, что именно на этой почве может произойти сближение Польши с Германией, ведь сам маршал страдал болезненным антисоветизмом и русофобией. Пилсудский, подчеркивает Я. Цялович в своей книге, полагал, что пришедший к власти Гитлер и его правительство менее опасны для Польши, нежели их предшественники – социал-демократы. Заметим в связи с этим, что с таким же недоверием к социал-демократам Германии относился и Сталин. А еще Пилсудский почему-то был уверен, что за фюрером не пойдет армия, и потому считал

Гитлера временным явлением, не верил в устойчивость его режима.

Если Германию к договоренности с Польшей о ненападении подталкивала международная изоляция, пишет Я. Цялович, то Польше казалось, что, добившись ее, она получила «чувство облегчения и безопасности» лет на десять, возможность вести более самостоятельную политику по отношению к своему главному союзнику – Франции, а также к соседям. На деле же, отмечает С. Жерко, договор позволил Германии прорвать международную изоляцию, в которой она оказалась, сконцентрировать свои силы против западных и юго-западных соседей, а Польшу привел к охлаждению с Францией. Помимо недоверия на западе, он вызвал беспокойство в СССР, отношения с которым «ухудшались из года в год, а в 1938 году достигли просто состояния холодной войны», в то время как в контактах с Берлином «царила очень хорошая атмосфера, в Варшаву с визитами регулярно приезжали гитлеровские сановники. Кое-где даже высказывалось мнение, что Польша стала тайным союзником Рейха». Пилсудский по этому поводу не раз говорил: сидим на двух стульях, надо бы знать, с какого и когда упадем, но вел начатую линию.

Продолжая разговор о дружбе с Гитлером, нельзя не отметить, что у Пилсудского и его последователей в польском межвоенном руководстве были заслуги не только двустороннего характера. Стоит вспомнить об идее «Восточного пакта». Весной 1934 года, напоминает Я. Цялович, министр иностранных дел Франции Барту предложил договор, который подписали бы Франция, Германия, Польша, СССР, Чехословакия и прибалтийские государства и который бы гарантировал границы, существующие в Центральной Европе. Пилсудский выступил против, поскольку не хотел давать никаких гарантий границам южной соседки – Чехословакии. Кроме того, он никак не желал взаимодействовать с СССР. Усилиями Польши пакт был провален. Второй раз в 1935 году эту идею выдвинул Лаваль – преемник убитого югославскими усташами Барту. Однако и на этот раз Польша выступила против нее, но уже вместе с Германией. По мнению Я. Цяловича, имен-

но 1935 год стал годом начала катастрофы для Европы, с этого времени Гитлер начал свой марш от успеха к успеху.

После смерти Пилсудского в 1935 году политику балансирования между Германией и СССР министр иностранных дел Польши полковник Бек дополнил элементами балансирования между Германией и Францией. В 1936 году Польша выступила против введения санкций в отношении оккупировавшей Абиссинию Италии, заявив устами Бека, что такого государства, как Абиссиния, не существует. Она даже полусловом не осудила Германию за аншлюс Австрии, сама приняла активное участие в растерзании Чехословакии – тоже союзницы Франции. Сделанный Пилсудским поворот Польши в сторону сотрудничества с

Юзеф Пилсудский и Эдвард Рыдз-Смиглы – будущий маршал Польши и верховный главнокомандующий. 1920 год

Рейхом был настолько ценным для последнего, что в 1935 году, когда умер Комендант, Гитлер лично посетил польское посольство, чтобы выразить свои соболезнования, присутствовал на траурной мессе в Берлине. На похороны маршала в Варшаву приезжал Геринг и был в первом ряду среди тех, кто шел сразу же за катафалком. В 1939 году, когда Краков был оккупирован нацистами, у могилы Пилсудского был выставлен немецкий почетный караул.

Своего апогея сотрудничество Польши и Германии достигло как раз во время Судетского кризиса, закончившегося сговором в Мюнхене, который многие в нынешней Европе усиленно пытаются запихнуть в тень пакта «Риббентроп – Молотов». Варшавский еженедельник «Не» в № 27 за 2009 год опубликовал хронику польско-немецкой дружбы под заголовком

«С Гитлером под руку». Один из ее пунктов, датированный 20 сентября 1938 года, гласит: «В Оберзальцберге Гитлер два часа разговаривает с польским послом Леоном Липским. Информирован о решении немедленно присоединить к Рейху территории, населенные в 1918 году преимущественно немцами, путем плебисцита или вооруженной акции (речь идет о Чехословакии. – Авт.). Липский представляет польские требования: Тешинский и Фришгасский уезды с некоторыми уточнениями, главным образом в районе Богумина, должны отойти к Польше. Выражает поддержку венгерским требованиям, прежде всего касающимся передачи Закарпатской Руси Венгрии. Беседа о расчленении Чехословакии идет в духе полной дружбы. Затрагиваются и другие вопросы. Гитлер сообщил, между прочим, что вместе с Польшей, Венгрией и Румынией предлагает решение еврейского вопроса... Липский информировал Бека: «На этот пункт я сказал ему, что если он найдет такое решение, мы поставим ему красивый памятник в Варшаве».

Выступление на стороне Гитлера крепко подпортило польскую репутацию в Европе и вызвало целую волну антипольских настроений. Тот же С. Жерко напомнил своим землякам: «Предъявление Праге ультиматума с требованием уступить Тешинскую область под угрозой военного нападения было воспринято мировым общественным мнением как копирование Польшей германских методов. Заголовок в шведской газете «Dagens Nyheter» (от 4 октября 1938 года) «Подражатели Германии» относится к разряду наиболее сдержанных. Практически везде использовалось сравнение с бросающимся на жертву шакалом, которому до этого нанес смертельный удар гораздо более сильный хищник. Британский комментатор писал: «Если сейчас Гитлер нападет на Польшу, я прокричу «Sieg heil!»... В том же месяце французский посол в Варшаве Леон Ноель направил своему начальству докладную записку, в которой призывал сократить обязательства перед Польшей, поскольку она выступает на стороне противников Франции. Польше грозила изоляция». Впечатление наблюдавших за всем этим со стороны откровенно охарактеризовал хорошо знавший Польшу

американский журналист Д. Фуллер: «Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нем соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно».

А С. Жерко подчеркивает, что за такую позицию германская сторона неоднократно благодарила поляков. И благодарить было за что, поскольку польская поддержка имела для фюрера не только политическое

измерение. Чехословакия для Гитлера стала весьма важным материальным приобретением, особенно нужным для реализации военных планов. Ведь состоявшийся на полгода раньше аншлюс Австрии и поход вермахта на австрийскую столицу показал, что германская армия к войне не готова. Как пишет в своей статье «Масса грехов», опубликованной в журнале «Дружба народов» (№ 9 за 2008 год) российский историк Игорь Шумейко, во время

похода на Вену дороги были забиты вышедшей из строя немецкой техникой. Несмотря на хорошие условия для движения, большая часть танков остановилась из-за неисправностей. То же случилось и с самоходной артиллерией. Фюрер разъярился и обвинил во всем генералов, но те так и ответили: «Армия не готова к большому конфликту». Более того, фельдмаршалы, генералы, дипломаты и высшие государственные чиновники Рейха стали готовить свержение Гитлера, а фельдмаршал Вицленбен уже репетировал захват рейхсканцелярии. Даже у СС, пишет И. Шумейко, тогда была выжидательная позиция, в Берлине перестали отдавать приветствие «Хайль!». Так продолжалось два месяца, и только «Мюнхенский саммит», как признались сами заговорщики перед казнью в 1944 году, уберег Гитлера. Спасительной жертвой для него и стала Чехословакия, которая имела армию, по численности мало уступавшую немецкой, а по качеству вооружения – куда как превосходившую ее. Кроме того, она была европейским

«Он – с народом, народ – с ним. Юзеф Пилсудский – глава государства и главнокомандующий, первый маршал Польши». Плакат 1920-х годов

лидером по экспорту вооружений. Заводы «Шкоды» У. Черчилль называл вторым по значению арсеналом Европы. А были еще предприятия «ЧДК-Прага». Кроме того, Чехословакия имела горные фортификационные сооружения в Судетах, которые даже превосходили Мажино и линию Зигфрида. Впоследствии гитлеровский фельдмаршал Кейтель признался: «Мы были необычно рады тому, что дело не дошло до военной операции, поскольку... наших наступательных средств было недостаточно для штурма пограничных сооружений Чехословакии. С чисто военной точки зрения у нас не было средств для атаки...» Так что, не случись сговора в Мюнхене, вполне возможно, приветствие «Хайль!» перестало бы звучать в Германии еще в 1938 году, а судьба самой Польши не была бы столь трагичной. Об этом говорит и чешский публицист Йозеф Трешняк, статью которого 27 января 2009 года перепечатал польский журнал «Впрост»: «Немцы при нападении на Польшу использовали чешские тяжелые танки, орудия и пулеметы, а к нацистской атаке на Польшу присоединилась и Словакия». Кстати, статья Й. Трешняка опубликована под заголовком «Потерянный шанс. Как польско-чехословацкий союз мог изменить ход кризиса и Второй мировой войны». Она заканчивается такими словами: «Совместный чешско-польский фронт обороны от Гитлера имел шансы на победу – бок о бок с миллионной польской армией сражалась бы как минимум полуторамиллионная чешская армия. Вероятно, что под натиском этого союза в сентябре 1939 года нацисты должны были бы отступить. Возможно, немецкий вермахт осуществил бы переворот, который, как показывает в своих записках Уинстон Черчилль, готовился за год до начала войны».

Ликвидировав Чехословакию, Гитлер получил массу вооружения, достаточного для вооружения 38 дивизий, смог удвоить артиллерийский парк, пополнить бронесилы почти 1500 лучшими на то время в Европе танками. Это чешскими танками была раздавлена не только сама Польша, но также и Франция, Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия, Люксембург. Это они приперли английские дивизии к побережью у Дюнкерка в 1940 году. Они были

наиболее боеспособными машинами и во время нападения на Советский Союз. Чехословацкий военно-промышленный комплекс без сбоев работал на нужды вермахта всю войну. Не менее важным для Гитлера было и то, что раздавленная Чехословакия уже не могла стать для советских самолетов местом базирования, откуда они легко достигали бы пределов Третьего рейха. Такой была реальная цена Мюнхенского подарка Гитлеру, в пожаловании которого активно участвовала Польша.

Сама же Польша, присоединив к себе принадлежавшую Чехословакии Тешинскую Силезию, на самом деле «получила» значительно больше. После оккупации гитлеровцами Праги и всей Чехии и создания марионеточной Словакии она почти по всему периметру своих границ попала в окружение, фактически созданное собственными усилиями: на севере, западе и юге – германский Рейх и его протектораты Моравия и Словакия, на востоке – ненавистный СССР, на северо-востоке – совсем не дружественная Литва. Оставался небольшой участок границы с Румынией, которым впоследствии и придется воспользоваться руководству Польши, эвакуируясь из собственной страны. Однако даже «дружественные румыны» это руководство под давлением немцев интернируют.

Но оккупация гитлеровцами Чехии, справедливо подчеркнул Я. Цялович, означала нечто большее, чем исчезновение одного из государств: она со всей очевидностью засвидетельствовала, что ситуация в Европе неуклонно движется к войне. Это поняли в большинстве европейских столиц. Кроме Варшавы. Потому, когда спохватившаяся Великобритания предложила вместе с Францией, СССР и Польшей дать гарантии всем европейским государствам, то и «эта инициатива сошла на нет из-за позиции Польши». Так был упущен последний шанс уберечь мир, констатирует Я. Цялович и формулирует еще одну весьма важную мысль: после этого в

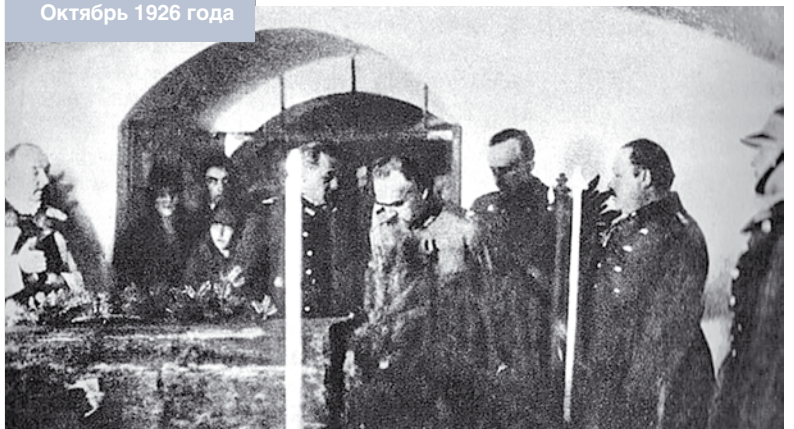

Советская листовка с сатирическими стихами Демьяна Бедного о Ю. Пилсудском и Б. Савинкове. 1922 год

Лондоне, Москве, Берлине принимались другие решения. Нетрудно сделать вывод, что это были решения, уже не учитывавшие интересов Польши. Есть основания отнести к ним и договор «Риббентроп – Молотов». Ведь после ультиматума Гитлера, предъявленного Польше в конце марта 1939 года, о предоставлении коридора в Восточную Пруссию, передаче Германии Данцига и согласовании своей внешней политики с политикой Рейха, СССР дважды протягивал Варшаве руку. В начале мая специально для этого польскую столицу посетил первый заместитель советского наркома иностранных дел В.П. Потемкин и во время встречи с Ю. Бекком заявил, что Советский Союз может оказать полякам помощь, если они этого захотят. Однако уже на следующий после этой встречи день польский посол в Москве посетил Молотова и сообщил об отказе от заключения договора о взаимопомощи «ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши». Тем не менее вновь назначенный в Варшаву советский посол Н.И. Шаронов в конце мая и начале июня того же года в беседах с Бекком дважды повторял это предложение, но опять безрезультатно. Так что Польша на самом деле тоже подталкивала Сталина к принятию «уже других решений».

Современная пресса не раз напоминала, что после сентябрьского похода Красной армии министр иностранных дел СССР В.М. Молотов назвал Польшу уродливым детищем Версальского мира. Однако именно так – уродливым созданием – Ю. Пилсудский называл Чехословакию. Эту же терминологию использовали и продолжатели его дела. В польском журнале «Впрост» за 2 ноября 2009 года публицист Дариуш Балишевский напоминает сородичам и о том, что, когда после сговора в Мюнхене польские войска вторглись в чехословацкие пределы, Юзеф Бек сделал следующее заявление: «Чехословацкую республику рассматриваем как искусственное образование... противоречащее потребностям и правам народов Центральной Европы». Можно не сомневаться, что Молотов знал эти слова и умышленно употребил именно польскую риторику, чтобы подчеркнуть: Польша напоролась на то, за что сама боролась.

Ю. Пилсудский во время своего визита в Несвиж возлагает орден *Virtuti Militari* на саркофаг своего адъютанта Станислава Радзивилла, погибшего в 1920 году.
Октябрь 1926 года

Время уже ждет историка, который реально оценит вклад начатой Пилсудским политики в создание в Европе ситуации, приведшей к развязыванию мировой бойни. А заодно и к польским метаниям. Не случайно авторитетный британский историк Бэзил Лидл Гарт в своей книге «Вторая мировая война» указал, что до начала 1939 года Гитлер рассматривал Польшу в качестве младшего союзника при осуществлении своих территориальных устремлений на востоке. В свою очередь, польский историк Ежи Лоек писал, что его стране надо было в той войне выступить на стороне Гитлера, как это сделал Муссолини, и Польша в результате оказалась бы даже в более выгодном положении, чем Италия. А профессор Варшавского университета Павел Вечоркевич и сейчас продолжает бредить видением: Гитлер и польский верховный главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы на трибуне Мавзолея принимают парад немецко-польских победителей. И возможность совместного похода, похоже, не исключалась. Ведь накал антисоветизма в правительственных кру-

гах Варшавы вряд ли уступал берлинскому. Теперь уже известно, что Рыдз-Смиглы в 1940 году вернулся в Польшу с намерением предложить немцам сформировать в Польше правительство по образцу того, что было создано в Норвегии Квислингом, освободить польских военнопленных, вооружить их и направить на восточный фронт. Ему помешали контрразведчики Союза вооруженной борьбы, впоследствии переросшего в Армию Краёву, которые арестовали маршала, изолировали его в горной местности около Отвоцка и даже объявили о его

смерти, соорудив символическую могилу на кладбище Повонзки в Варшаве. Сам же маршал Рыдз-Смиглы умер почти год спустя, но оставил подробные записки о событиях последних лет своей жизни. Публицист Д. Балишевский (журнал «Впрост», № 51–52 за 2006 год) пишет, что в них он скрупулезно изложил содержание встреч с венгерским диктатором Хорти, которого убеждал в необходимости создания в Будапеште нового польского правительства, свои беседы с бывшим премьером Козловским, которого направлял на переговоры в Берлин, где, кстати, тот и остался. Через год после смерти Рыдз-Смиглы – осенью 1943 года – офицер из его канцелярии Михал Эйгин доставил дневник маршала его жене Марте во Францию. А в 1951 году Марта умерла ужасной смертью. Ее расчлененное тело было найдено под мостом в сорока километрах от Ниццы, рука – в десяти километрах дальше, нога – около Марселя. Так было сделано умышленно, пишет Д. Балишевский, чтобы «та смерть стала для кого-то предостережением». Из «квартиры Марты Залеской-Рыдз безвозвратно пропали все бумаги маршала... его снимки и дневник, в котором была записана тайна ситуации... Правда о большой, значительно выходящей за рамки польской истории политической акции, целью которой могло быть строительство немецкой единой Европы...»

Юзеф Пилсудский с дочерьми

Ежи Туронок пишет, что в берлинском архиве были найдены письма еще одного видного польского политика Станислава Мацкевича, который после крушения Франции в 1940 году тоже послал немцам предложение создать польское правительство на оккупированной ими территории. Тот же Д. Балишевский сообщает, что переговоры с немцами уже после падения Польши вел и интернированный в Румынии Юзеф Бек. Так что историк Я. Цехановский

новский в «Исторических тетрадах» № 91 за 1990 год имел достаточные основания для вывода о том, что в Лондоне всерьез опасались, как бы Польша не стала на сторону Гитлера. И именно поэтому в марте 1939 года там было заявлено о гарантиях безопасности для Польши в случае агрессии со стороны Германии. Я. Цехановский полагал, что Бек просто не понял их сути, так как «британцы дали нам эти гарантии в значительной степени потому, что опасались, как бы без них Польша не капитулировала перед требованиями Берлина и не перешла в лагерь стран оси, что привело бы к полной смене расклада сил в Европе в пользу Третьего рейха, ослабило бы позиции и престиж Великобритании». Автор возложил вину именно на Бека, поскольку знал, что этот любимец Пилсудского играл определяющую роль в реализации польской внешней политики, не всегда считая нужным информировать даже президента страны. Он указывает и на истоки ошибок министра: «Бека довольно часто заносило в офицерских сапогах, а жизнь так и не выкристаллизовала в нем однородной, психически определенной индивидуальности... Всегда существовало опасение, как бы на политической сцене не выступил боевой полковник вместо дальновидного дипломата».

Однако похоже, что Ю. Бек был не так прост, как показалось Я. Цехановскому. В мае 2009 года бывшие министры иностранных дел Польши Адам Даниэль Ротфельд и Владислав Бартошевский, а также депутат Европарламента Павел Залевский опубликовали в «Речи Посполитой» статью под заголовком «Человек, который говорил о чести». Из нее следует вполне конкретный вывод: Бек понимал, что его политика не в состоянии предотвратить конфликт Польши с Германией, но этот конфликт перерос в европейский пожар, а затем в мировую войну и гарантировал то, что Польша не превратилась в одну из республик СССР. А Д. Балишевский в журнале «Впрост» (№ 20 за 2009 год) привел выдержку из записок самого Бека, датированных 12 декабря 1939 года: «Несмотря на ту или иную критику отдельных действий или личностей, поляки имеют право ходить с поднятой головой в ожидании, что

другие заплатят долг». Те другие, уточняет Д. Балишевский, это, разумеется, русские. Выходит, шансы и выгоды своей страны Бек видел исключительно в германо-советском конфликте и сознательно подталкивал события к такому конфликту, следуя установке Пилсудского: ни при каких обстоятельствах не идти на сближение с СССР. Не зря В. Побуг-Малиновский утверждал, что «маршал для Бека был всем: источником всяких дел, мировоззрением, даже религией». Что ж, были такие ученики и у Сталина.

Коренным образом два Иосифа отличались только в одном: Сталин посвятил свою жизнь борьбе против царизма и капитализма, Пилсудский – борьбе против российского государства. Оба оставили неизгладимый след в польской памяти. Пилсудский – по преимуществу светлый, Сталин – исключительно мрачный. Но за пологом этой мрачности остается кое-что, весьма существенное для самой Польши. Например то, что она была бы значительно меньше по территории, если бы не Сталин. В этом не трудно убедиться, заглянув в материалы Потсдамской конференции. Вот слова тогдашнего британского премьера У. Черчилля: «Согласно плану польского правительства, который поддерживается, как я понял, советским правительством, одна четверть всех обрабатываемых земель Германии 1937 года будет отторгнута от нее... Мы согласились компенсировать Польшу за счет Германии за ту территорию, которая отошла от нее к востоку от линии Керзона. Но одно должно уравновешивать другое. Сейчас Польша требует для себя гораздо больше, чем она отдает на востоке...» Речь шла не только о плодородных землях и продовольственных проблемах, а и об угле, в частности, о угольном бассейне в Силезии. Черчилль настаивал, что «это предложение совершенно неприемлемо для британского правительства... Это не пойдет на благо Польши – иметь такую территорию». На стороне Черчилля был и американский президент Г. Трумен: «Я думаю, что эта часть Германии, а именно угольный бассейн, должна считаться остающейся за Германией».

Точка в дебатах была поставлена только на последнем заседании, состоявшемся

1 августа 1945 года. Верх взяла линия Сталина. С того времени Польша имеет Вроцлав – до этого Бреслау, Щецин – Штеттин, а также Свиноуйсьце – ранее Свинемюнде, так как Сталин все-таки настоял на том, чтобы польская граница проходила «на несколько километров западнее» этого города. Кто-то скажет, что Сталин и здесь преследовал свои стратегические интересы. Не без того. Но Вроцлав, Щецин, Свиноуйсьце все-таки польские...

Однако у Пилсудского тоже были заслуги перед советской властью. Во время гражданской войны в России он категорически отказался взаимодействовать с генералом Деникиным, который, кстати, по матери был поляком, а затем и с генералом Врангелем. Этих белых генералов он считал

империалистами. А вот в провозглашенном большевиками праве наций на самоопределение Пилсудский узрел возможность рисовать собственные картины будущего. Белорусский же вопрос перед ним и его окружени-

ем вставал лишь в той мере, в какой его можно было использовать против России, в остальных случаях он назывался «белорусской фикцией». Победы дело Коменданта, не было бы нынешней Республики Беларусь. Об этом нам стоит обязательно помнить, формируя свое отношение к первому маршалу Польши.

Попытка сравнить жизнь двух Иосифов XX века, скорее всего, вызовет раздражение как поклонников Пилсудского, так и последователей Сталина. Но сделана она не для того, чтобы показать, кто из них был лучше или хуже. Речь о другом. О том, что оба Иосифа были политиками, лишеными комплекса сомнений, действовавшими любимыми методами, подходящими, по их мнению, для достижения поставленных целей. И в этом тоже их сходство. В остальном они были антиподами, а в целом – даже врагами. ▀

Г. фон Мольтке,
Ю. Пилсудский,
Й. Геббельс
и Ю. Бек
в Варшаве,
14 июня 1934 года